

Аркадий Бурштейн

Слушающий голоса Тьмы
(медитация над поэмой М.Ю.Лермонтова "Мцыри")

Последняя корректировка 02.03.1990

Сыну Женке и моим друзьям
Н.И. Воронцовой, обучавшей в школе литературе
меня, и ее дочери Лене, которая учит тому же моего
сына, посвящаю...

А. Бурштейн

"(Давайте, к смыслу повернем, пока он не заржавел)
Вначале Некто сочинил Слова. Яйцеобразный
их облик благостно висел над огнеземноводьем,
и вдруг сломалась скорлупа, и вымысел заразный
пополз пустоты облучать, столбя свои угодыя:
и вот, хромает Скорпион, и ленится Отрава,
вскочила Тень и пала ниц, олег спешит к Дружине,
а я, тщедушный человек, полжизни (Боже правый)
ломаю странные слова и все, что спит за ними.
К примеру: радуга взошла; с восторгом лицеиста
мы шею этого коня почти спектральной масти
поем уж скоро двести лет. Пойдем ли через триста,
что это - десен разноцвет в змеиной - настезь - пасти ?"
Виталий Кальпиди

М. Ю. Лермонтов погиб на дуэли в 1841 г. И более 140 лет не смолкают споры вокруг его творчества. Все сходятся на том, что автором "Демона" был гений. Но гений Тьмы или гений Света?

Честно говоря, до недавних пор мне было все равно.

Но однажды мой сын, ученик 8 класса, ужиная после трудового школьного дня, заявил, что ему задали сочинение по "Мцыри", а он не знает, о чем писать, так как не понимает этой поэмы. И тогда я прочитал ее вместе с ним. Стыдно сказать, я не обращался к Лермонтову с 1979 года. И тем сильнее было мое потрясение. Поэма не отпускала меня несколько дней, я возвращался к ней мыслями снова и снова. Так появилась эта статья. Появилась - как попытка ответить на несколько вопросов, возникших у меня при чтении "Мцыри".

Первый из них - и главный: почему поэма начинается с описания разрушенного монастыря? Разрушение монастыря текстом не мотивировано. Грузия присоединилась к России лет за 50 до описываемых событий (и Мцыри бежал из еще живого монастыря); в тексте прямо говорится: "С тех пор прошло немного лет". Кроме того, гибель обители производит более чем странное впечатление на фоне следующих строк:

"...которых надпись говорит
О славе прошлой - и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручил России свой народ.
<...>
И Божья Благодать сошла
На Грузию. Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков."

Эти строки, кажется, написаны патриотом, честным гражданином своего Отечества, как и положено порядочному гражданину, воспринимающим расширение границ своего государства словно наивысшее благо для покоренных народов.

Именно за гранью дружеских штыков на Грузию сходит Божия Благодать, именно за гранью дружеских штыков наступает эра Гармонии, Согласия; расцветают все цветы, благоухают сады и т.д.

Символом именно этого нового порядка, пришедшего на смену дикому Хаосу прежних отношений меж воинственными горцами, и является в мире поэмы святая обитель. На это недвусмысленно указывает ряд деталей. Ну, во-первых, несомненна связь монастыря со снисхождением Божьей Благодати. Во-вторых, именно там, где стоит обитель, даже горные реки Арагва и Кура текут мирно сливаясь, "обнявшись, словно две сестры". Так Благодать гармонизирует Природу.

В монастыре говорят на "чужом языке".

И вот этот-то монастырь, средоточие Русского влияния и власти, - в поэме оказывается разрушен. Причем, повторяю, текстом сей прискорбный факт не мотивирован ни на йоту.

Для поэта-патриота такой поворот по меньшей мере неестественен.

Что же сие за патриотизм ? Почему все ж таки Лермонтову понадобилось разрушить монастырь ?

Для того, чтобы разобраться в этом, я проделал небольшую подготовительную работу, не очень относящуюся к делу на первый взгляд. Я выписал из текста поэмы все случаи использования некоторых лексем. Вот их перечень:

- золотой;
- серебряный;
- свежесть;
- объятье;
- сладость;
- змея.

Все выписанные мной и сгруппированные отрывки читатель найдет в приложении к данной статье. Рекомендую внимательно ознакомиться с ними, обращая внимание на семантическую связь меж всеми фрагментами внутри каждой группы.

К дальнейшему рассуждению я приступаю, считая, что читатель с Приложением ознакомился и осмыслил его.

1.

Итак, Космос поэмы с первого взгляда четко разделен на два территориально выделенных мира:

1. мир Божьей Благодати;
2. мир, находящийся за гранью Божьей Благодати.

"Грань", как мы увидим, подвижна. То это - "грань дружеских стыков", то - граница монастыря. Видимо, можно сказать, что монастырь - центр "мира Божьей Благодати". Чем дальше от него отходит Мцыри, тем слабее должно ощущаться влияние Благодати.

Похоже, что первый мир расположен островком или островками в мире, Благодатью отнюдь не отмеченном. Для этих островков характерно, как мы видели, согласие, покой, гармония и цветение ("...Божья Благодать сошла На Грузию. Она цвела...")

Соответственно для второго мира, противопоставленного первому отсутствием Благодати, должны быть присущи качества противоположные: раздор, разрушительное, враждебное начало, насилие, стихия, Буря, неуправляемость. И по логике инверсионно симметричного семантического ряда, принадлежать сей мир должен не Богу, но - Сатане !

Дальше увидим, соответствуют ли наши предположения действительности.

Итак, в монастырь некий русский генерал привозит пленного ребенка. Поскольку ребенок пленный, значит привезен оттуда, из-за грани. Из чужого, враждебного мира, из мира незамирных гор.

Посмотрим, какие качества присущи ему изначально:

"Как серна гор, пуглив и дик,
И слаб, и гибок как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов..."

Для нас важно отметить здесь, что пугливость и дикость - качества, вполне ожидаемые нами от мира "за гранью". Здесь же позволю себе обратить ваше внимание на то, что "могучий дух его отцов" изначально, с момента появления в поэме, связан с недугом, мучительным недугом, т.е. - с разрушающим, убивающим началом. И это тоже для нас вполне ожидаемо.

Малыш выздоравливает, вырастает, обращается в другую веру, усваивает чужой язык, ведет жизнь послушника и собирается принять монашеский обет, но - неожиданно для всех - исчезает. Мне представляется очень значимым, что он исчезает осенней ночью, во время страшной грозы. Когда его, наконец, находят, состояние несчастного беглеца как две капли воды напоминает то состояние, в котором когда-то дитя привезли в Обитель.

Тогда:

"...И слаб, и гибок как тростник...
<...>
<...> без жалоб он
Томился, даже тихий стон
Из детских уст не вылетал,
Он знаком пищу отвергал,
И тихо, гордо умирал..."

Теперь:

"Он страшно бледен был и худ,
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал,
Он на допрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял.
И близок стал его конец..."

Почему юноша возвращается в состоянии, столь напоминающем состояние привезенного некогда в монастырь маленького мальника? Похоже, что он побывал в некоем месте, в котором уже бывал ребенком. Похоже также, что это место чрезвычайно опасно. Отмеченный его клеймом мальник выживает лишь для того, чтобы повторно подвергнуться тому же разрушительному воздействию спустя несколько лет и - умереть.

Что же это за место? Мы говорили уже, что "за гранью" в Универсуме поэмы лежит мир Хаоса, разрушительного, умерщвляющего начала. Из этого мира вышел мальчик. Этот мир и призвал его к себе, когда пришло время. Я считаю, что для понимания смысла поэмы исключительно важно, что юноша бежит из монастыря именно тогда, когда оформляется его желание принять монашеский обет.

Деталь сия вводит в повествование новое действующее лицо, точнее, силу, которая, как я попытаюсь показать далее, будет, постоянно оставаясь за кадром, просвечивать на протяжении всего текста, силу, непосредственно выведенную Лермонтовым в другой, не менее знаменитой чем "Мцыри", поэме. Я имею в виду поэму "Демон". Я имею в виду извечного Врага рода человеческого. Я имею в виду Дьявола.

Далее я попытаюсь показать, что единственно Демон ведет беглеца, что единственный голос, который слышит несчастный, - голос Дьявола, что юноша назван "Мцыри" не столько потому, что он - послушник монастырский, но скорее потому, что он - послушник Демона, слушающий голоса Тьмы.

Исповедь свою умирающий начинает с поразительно откровенного признания. После фразы: "людям я не делал зла", следует: "Таких две жизни за одну, Но только полную тревог Я променял бы, если б мог". Непредвзятое размышление неминуемо приводит читателя к выводу: по сути, речь здесь идет о стремлении к злу !

Вглядимся в следующий отрывок:

"Я знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, как червь во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы."

Обратим внимание на два момента. Во-первых - на разрушительный недугopodobный характер страсти, недвусмысленно указывающий на ее источник (то, что она характеризуется словом "пламенная" - отметим на будущее). Во-вторых - на то, что "мир мечты" оборачивается "миром тревог и битв", а его обитатели уподобляются орлам.

И об этом имеет смысл поговорить более подробно. Но сначала внимательно прочитаем еще два отрывка поэмы:

"Я молод... молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты ?
Или не знал, или забыл
Как ненавидел и любил,
Как сердце билось живей
При виде пашен и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж, и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой."
<...>
"И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал..."

Образ голубя в приведенных строках недвусмысленно привязан к монастырю. В стенах Обители живут пришельцы, говорящие на чужом языке, исповедующие чужую веру, враждебные миру Хаоса, а потому, естественно, боящиеся грозы (воплощения Хаоса в моей модели). Таким образом, Голубь - это метафора обитателей мира, где людям не делают зла. Но мы знаем, что образ Голубя вообще в христианской традиции устойчиво связан с воплощением кротости и Духа Святого - вспомним Евангелие.

Впрочем, семантика Голубя здесь имеет еще один аспект: говоря о голубе, Мцыри по сути говорит о себе. Голубь молодой - молод и юноша. Голубь - "дитя неведомой страны", но и герой поэмы чужой в монастыре. Но если так, то наш голубь улетает из обители, дабы воплотить мечты о "разгульной юности" и стать "вольным, как орел", по сути, стать орлом.

И здесь, пожалуй, уместно вспомнить, что орел - свирепая птица Зевса, бога Грозы. Стоит осознать это, и привычное, казалось бы, вполне романтическое сравнение вольных горцев (обитателей мира Хаоса, как мы помним) с могучей птицей - наполнится новым, гораздо более хищным смыслом.

Стоит вдуматься в это, и почувствуешь, какие бездны, разверзающиеся под твоими ногами, таит в себе привычный со школьной скамьи текст. И начинаешь понимать, что космос поэмы - не просто сцена, на подмостках которой разыгрывается жалкая драма судьбы никчемного пленника, но грозное ристалище Тьмы и Света, чудовищных космических сил, Бога и Дьявола.

Потому что язычество враждебно христианству, а языческие боги для христианства - суть бесы и демоны.

Особого внимания заслуживает понимание Лермонтовым слова "вольность". Это слово мы видели выше в "хаотическом", "демоническом" контексте. И я считаю, что в этом сокрыт глубокий смысл. К сожалению, изучение данной проблемы не входит в мою задачу. Замечу лишь, по поводу, а не по сути, что, например, декабрист Сергей Муравьев-Апостол мучительно раздумывал над изначальной богопротивностью любых интеллектуальных социально-государственных теорий: человеческий разум в безумной гордыне тщится превзойти Божественное Откровение, данное в Писании, тщится революционно изменить определенный Богом для данной земли Путь. А ведь декабристы, одним из лидеров которых был Муравьев-Апостол, между прочим, глубоко религиозный человек, мечтали именно о вольности.

Лермонтов жил в их мире и, вероятно, слово "вольность" понимал так же, как они. Вообще "вольность" и у декабристов, и у Лермонтова априорно тесно связана с индивидуалистическим "байроническим" бунтом против мира. Но так как мир казался Божьим - то и против Бога. Сегодня этот мотив почти забыт, но при всей неочевидности своей, он остается имманентно присущ тому клубку проблем, в который мы нечаянно уткнулись и о котором более говорить не будем, так как, повторяю, это не входит в мою задачу и требует специального фундаментального исследования, возможно, впрочем, уже и выполненного кем-нибудь. Наверное утверждать не могу, так как специально не занимался изучением данного вопроса.

Вернемся, однако, к тому, что меня в настоящий момент интересует гораздо больше: к тексту исповеди умирающего Мцыри.

"Старик! Я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас.-
Зачем? Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок..."

Впервые в поэме слово "гроза" встречается именно в этих строках. И первое же контекстное употребление отчетливо выявляет амбивалентный характер грозы в поэме. С одной стороны, гроза - нечто исключительно разрушительное. И следовательно, неумолимая логика семантического ряда заставляет нас сделать вывод: гроза принадлежит миру Хаоса, миру гор, миру, откуда в монастырь приходит Мцыри (Между прочим, помните, мы предположили, что если миру монастыря, присуще слияние: "там, где сливаясь, шумят...", то миру Хаоса - присуще разделение? И вот, оно налицо: "оторванный листок") С другой же стороны, разрушительная сила грозы изначально направлена на самого Мцыри, хоть он и является частицей мира грозы. Иными словами, обитатели Хаоса столь неуправляемы, что "мир Хаоса" уничтожает сам себя, и это ему... сладостно.

Далее в тексте мы обнаруживаем существенный для нашей модели фрагмент, где впервые встречается слово "сладостный", уже использованное нами в конце предыдущего абзаца.

"Я никому не мог сказать
Священных слов "отец и мать".
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в Обители отвык
От этих сладостных имен -
Напрасно: звук их был рожден
Со мной..."

И чуть дальше:

"В душе я клятву произнес
Хотя б на миг, когда-нибудь,
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной..."

Я нашел в поэме шесть случаев употребления слова "сладостный" (см. "Приложение"). Четыре из них относятся к описанию мира, извергнутого Мцыри, мира Хаоса. Последние же два употребления связаны с могилой, со смертью. Мне кажется, впрочем, что смерть, в сущности, одна из ипостасей "мира Хаоса", точнее, одно из его уплублений. И в общем, этим вполне объясняются слова умирающего Мцыри о том, что его "могила не страшит".

В вышеприведенном отрывке мы встречаем еще один из самых впечатляющих образов поэмы - образ объятя. Мы видели, что в "мире благодати" объятые связано с семейной гармонией, умиротворенности, покоя. А что выражает объятые в "мире Хаоса"? Кого способен объять возвращающийся к своим истокам беглец, мечтающий прижать грудь к другой, "незнакомой, но родной" груди? Через несколько строк текст ответит на этот вопрос: "О, я, как брат, объяться с бурей был бы рад".

Вдумайтесь в это! С бурей, разрушительной, страшной грозой, неуправляемой, но вольной, с той самой, кого боятся голуби и монахи. С воплощением Хаоса. И здесь нет ничего удивительного. Они действительно одной крови. Но как быть с промелькнувшей фразой про "грозой оторванный листок"? Как быть с тем, что Гроза, стало быть, враждебна Мцыри и с тем, что последний это понимает?

Чтобы ответить на этот вопрос, взглянемся в еще два фрагмента, где используется образ объятя (оба описывают "мир Хаоса").

"Я долго силился вздохнуть -
И пробудился. Уж луна
Вокруг сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
как за добычей своей,
Объятя хищные раскрыв..."

Сама Природа здесь - хищник, что подтверждает наше предположение об абсолютности закона уничтожения в пресловутом "мире Хаоса" - он поедает сам себя. Объятые в данном контексте оказываются разрушительно!

Но еще рельефней и противоестественней подлинная суть рассматриваемого образа проступает в сцене, которой предшествует, которую готовит только что прочитанный вами отрывок. Я имею в виду знаменитую сцену боя с барсом.

Я напомним ее текст:

"И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле..."

Я напомним также, как выглядел тот, с кем бьется Мцыри:

"То был пустыни вечный гость -
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал:
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, - и на нем
Шерсть отливала серебром..."

Для нас существенно то, что шерсть зверя отливает серебром. В моей интерпретации это недвусмысленно подчеркивает причастность хищника "небожьему миру", миру ночи, мпы, гор, А стало быть в космосе поэмы - Хаосу, Грозе. Как показал еще В. Пропп, серебро, как и золото - атрибут потустороннего "тридевятого царства". В "Приложении" я выписал все случаи употребления слова "серебряный", и читатель легко может убедиться, что только в одном случае слово это используется в "монастырском" контексте. И к этому случаю мы обратимся позже. А пока зафиксируем, что барс принадлежит к тому же семантическому ряду, что и буря.

Хотелось бы отметить еще одно описание, найденное для зверя Лермонтовым: "вечный гость". Вадим Баранов обратил мое внимание на тонкий парадокс, заключенный в этом словосочетании. Дело в том, что слово "гость" несет на себе печать временного, брэнного. И преходящесть эта, как считает В. Баранов (и я думаю, что он прав), настолько убивает "вечность", что все вместе смахивает на самую безнадежную, окончательную смерть.

Таким образом, смертоносное объятье с барсом, осуществившее мечту юноши о родной груди, оказывается единственным доступным ему объятьем в силу его природы, природы, порожденной миром тьмы.

Между прочим, именно это объятье-бой завершает возвращение безымянного беглеца к самому себе. Убив барса, Мцыри в каком-то смысле сам окончательно превращается в барса. Далее идти уже некуда. Юноше останется только умереть, ибо закон Хаоса абсолютен, и разрушение только тогда доведено до конца, когда уничтожен и его носитель.

Развернутая интерпретация образа объятья позволяет довольно забавно истолковать поведение Мцыри при встрече с грузинкой у ручья.

Место, где живет случайно встреченная девушка, описано так:

"Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой..."

И далее:

"Тебе, я знаю, не понять,
Мою тоску, мою печаль;
<...>
Хотелось мне... Но я туда
Взойти не смел.
Я цель одну -
Пройти в родимую страну -
Имел в душе - и превозмог
Страданье голода, как мог..."

Понятно, что на самом деле запрет на вход в саклю не мотивируется желанием "пройти в родимую страну", если страна и сакля - обычные, земные страна и сакля. Ну, зашел, поел, попил, поблагодарил и пошел дальше. Я полагаю, что подлинная причина табу на вход в саклю грузинки объясняется следующим образом.

Обратите внимание на то, что сакли стоят дружною четой. Судя по семантическому ряду, это место попросту недоступно Духу Распада. Я думаю, что не случайно над крышей дома вьется не белый, не сизый, но голубой дымок (вспомним семантику слова "голубь" в поэме). Над саклями витает дух монастыря. И поэтому Мцыри не смеет войти (очень любопытно, что его реакция весьма напоминает жалобные стенания нечисти у защищенной амулетом двери, как их описывают мифы самых разных народов: "тоска", "печаль" и т.д.).

Его ждет "родимая страна", ждет бой с барсом и возвращение к своей подлинной природе, которое, впрочем, как мы увидим, не принесет ему радости.

То, что мы назвали "возвращением", на самом деле выполняло функции своего рода инициации. Юноша прошел через ряд испытаний, проверок, последней из которых стал бой с барсом, выше уже подробно проанализированный.

В мои задачи не входит тщательный разбор всех препятствий и их преодоления героем поэмы. Мы попытаемся взглянуть на путь, пройденный им, под одним и только одним углом.

Дело в том, что использование слова "возвращение" ко многому обязывает нас: о возвращении можно говорить только, если подлинная природа беглеца (демоническая, как мы видели) была искажена, деформирована годами жизни в Обители и воздействием Божьей Благодати; только, если в его душе успели закрепиться ростки "цветущего" мира. Но коли так, то светлое должно было противиться тьме, затухая постепенно. И текст не мог не зафиксировать это.

Проследим же путь юноши, и может быть нам удастся найти следы такой борьбы.

Начало пути отмечено нарастающим ощущением свежести. Этой теме для Мцыри принципиально не было места в "монастырском" контексте. Косвенно она возникала в теме дождя, грозы ("где воздух свеж..."), и в общем-то с ними и связана первым контекстным употреблением. Иначе говоря, она для юноши однозначно ассоциируется с миром детства, а не с Обителью.

"Ты хочешь знать, что видел я
На воле? - Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежеею толпой..."
<...>
"Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов..."

Однако, насколько можно понять из текста поэмы, пышные поля, цветущие сады окружают, собственно говоря, именно монастырь. Цветение, как мы помним, связано с Божьей благодатью. А юноша уходит отсюда, уходит в горы, будучи уверен, что именно там найдет и пышность природы, и вольность, и цветение. Есть ли основания для его уверенности? Да, есть. Исповедуясь, он воскресит свои детские воспоминания о стариках из родного аула. Чем же запомнились ему старики? Да тем, что рассказывали о временах, "когда был мир" еще пышней". Мы не знаем, насколько "пышен" был мир детства Мцыри, вернее, мы уже знаем, что в космосе поэмы пышен он быть не может, так как выполняет функции "мира Хаоса", соотнесенного с демоническим началом, несовместимым с цветением, насколько я могу судить. Но из воспоминаний стариков следует, что так было не всегда, что некогда их мир был пышней, цвел, а значит, не Демон, но Божья Благодать пребывала в нем. Отсюда неминуемо вытекает, что мир детства Мцыри был Демоном захвачен. Падает занавес и скрывает от нас борьбу Тьмы и Света, подобную той, что изобразил во "Властелине Кольца" Дж.Р.Толкиен.

Но нам пора вернуться к судьбе и "вольным" впечатлениям героя поэмы.

Беглецу оказывается внятен язык "внемонастырского" мира, знакомый ему от рождения.

"Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял..."

Обратите внимание, если функция потоков, текущих у монастыря, - сливаться "обнявшись, словно две сестры", то этот поток - разделяет.

"И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!..."

Свыше - то есть на генетическом уровне.

Между прочим, идет страшная гроза, хотя по приведенным строчкам ее вовсе не чувствуется. Однако текст фиксирует и момент ее начала (до бегства Мцыри), и момент ее завершения. Влияет ли конец Бури на мировосприятие героя поэмы?

"И гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей;
Я сам, как змей, был чужд людей
И полз, и прятался как змей..."

Похоже, что никаких изменений не произошло. Процесс перерождения начался, и ощущение своей причастности миру грозы не ослабевает. Я думаю, что не требуется останавливаться подробно на всем прекрасно известной семантике образа змеи и связи змей с дьявольским, темным началом. Достаточно напомнить, что Искуситель склонил Еву к грехопадению, явившись ей в виде змея. Давно известна и фольклорная связь змей с водяной, грозовой стихией (об этом см. например: В.Я. Пропп "Исторические корни волшебной сказки").

"Внизу, глубоко подо мной,
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор..."

Внимание! Поток усилен грозой. Оказывается воздействие грозы еще не прекратилось. Разговор потока еще внятен. Но вот затем, затем что-то меняется, и ненадолго приходит отрезвление:

"Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал.
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез..."

Страх и трезвая оценка ситуации (вспомним, что до сих пор и то, и другое отсутствовало начисто: "змея скользнула меж камней, но страх не сжал души моей" и т.д.) сопровождается мощным вгоржением темы цветения, темы, как мы помним, тесно связанной в нашей модели с Божьей Благодатью.

"Кругом меня цвел Божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов..."

Вы, конечно, заметили прямое упоминание Бога в тексте.

"И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал
К волшебным странным голосам..."

Теперь голоса природы уже кажутся герою поэмы странными, таинственными. Окончательно иссякло воздействие грозы, а с ним и колдовство? Или наоборот, власть грозы сильна по прежнему, но изменился сам мир?

"...И все природы голоса
Сливались тут; Не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас..."

Час хваленья... Имеется в виду, разумеется, хвала Господу. Однако это именно то, ради чего, вообще говоря, создаются монастыри. Природа здесь недвусмысленно запараллелена Обителю. Ну, а в последней, естественно, гордыня - нетерпимое, изгоняемое качество, ибо она - от лукавого. Именно гордыне не оказывается места в мире цветения. Завершает достаточно прозрачную уже картину потрясающая деталь: взгляд беглеца отворачивается от бездны (пути злого духа) и обращается к горным высям - пути ангела:

"В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой !
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал..."

Да, действие грозы кончилось. Но беглец оказывается во власти другого начала. Юношу охватывает огненная стихия полдневного зноя (вспомним "палящий недуг", "пламенную страсть" и т.д.). Огненная и грозовая стихия сложно соотносятся друг с другом. Мы знаем, что Зевс, бог Грозы, метал испепеляющие молнии.

Таким образом, огонь, жар - фактически один из компонентов, атрибутов Грозы, как ни парадоксально, но в нашей модели это так. И к этому выводу нас привела жесткая логика семантического ряда.

Полдневный зной не просто разогнал мечты Мцыри. По сути он уничтожил последние следы света в его душе. И с беглецом происходит чудовищная, жуткая вещь: он начинает спускаться в Бездну по тем самым плитам, про которые ранее в тексте было сказано, что "лишь злой дух по ним шагал". Понятно, что при этом он повгоряет путь, доступный лишь злему духу. И в моей модели сие означает, что несчастный отныне сам становится в каком-то смысле Духом Зла (именно после спуска в бездну не может он войти в саклю грузинки).

Больше мы не найдем следов цветения Божьей Благодати на пути беглеца. То, что открылось ему над бездной, было, видимо, последним напоминанием Обителю, последним шансом спастись.

С этой минуты изменения, происходящие в душе Мцыри, стали необратимыми.

"Все, что я чувствовал тогда,
Те думы - им уж нет следа..."

"Тогда" - имеется в виду, глядя в небо, а не в бездну.
И с этой минуты начинает звучать в поэме тема обмана. Беглец теряет дорогу.

"И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал..."

Собственно говоря, мы уже понимаем, с какого пути стал сбиваться Мцыри. Начинается вполне обычный бесовский морок.

Желанные горы оборачиваются лесом. Вместо горных зубцов (помните: "И различал я как узор на ней зубцы далеких гор") путника окружает зубчатый лес ("Но даже на краю небес все тот же был зубчатый лес"). Одержимость бесами и гордыня приводят юношу к припадку, какими часто сопровождается одержимость нечистой силой:

"Тогда на землю я упал;
И в иступлении рыдал
И грыз сырую грудь земли..."

Случайно ли, что грудь земли, которую грызет (т.е. пытается уничтожить) потерявший на время рассудок беглец, описана как "сырая"? Юноша ведет себя как ребенок, кусающий материнскую кормящую грудь. "Сырая земля" - образ высокой степени насыщенный семей плодородия (и связанной с ним смерти: чтобы дать жизнь ростку, семя умирает), а последнее - залог цветения, присущего миру Божьей Благодати. Жар полднего зноя и сырая земля соотносятся в моей интерпретации как Дьявол и Бог.

А после похожей на падучую истерики несчастного ждет бой с барсом. Мы уже говорили, чем обернется для него этот бой. Победа над зверем приводит к тому, что мир для Мцыри меняется фатально. Но это изменение есть лишь усиление власти адского пламени, того самого, что отбросило на него свой роковой отблеск еще в раннем детстве. Вспомним "пламенную страсть", "пылающую грудь", наконец, "полдневный зной", окончательно отлучивший юношу от Бога.

Но и этого мало темной силе:

".....Палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем
Сама земля дышала мне...
<...>
<...> ...Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она..."

Итог вполне естественен, ведь ранее Мцыри сам уподобил себя Змею ("Я сам, как змей, был чужд людей и полз, и прятался, как змей"). Мы уже говорили, что змеи - неизбежный атрибут нечистой силы, устойчивое воплощение Искусителя, Дьявола.

Ужасны страдания героя поэмы, но еще более их усугубляет жестокое прозрение, предшествующее последнему огненному аккорду. Зубчатый лес внезапно оборачивается зубцами монастыря:

"Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчагою стеной..."

И звон монастыря воздействует на беплеца с силой, объяснить которую рационально довольно трудно:

"Казалось, звон тот выходил
Из сердца - будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь..."

Но ощущения несчастного крайне похожи на многократно описанные мучения, испытываемые одержимыми, когда из них изгоняют бесов.

Конец морока закономерен: Демон предает свою жертву, обреченную на смерть изначально. Нечего говорить, Мцыри обманут чудовищно. Ему еще суждено интуитивно понять, какой мир на самом деле есть подлинный источник свежести, той самой свежести, обретение которой было ему обещано в начале пути.

"Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов..."

Свежесть открывается ему теперь там, где стоит Обитель, и где прежде он не видел, не мог видеть этого начала. Однако, откуда просочилось к монастырю серебро? Ведь мы видели, что эта сема однозначно захвачена "миром Хаоса", что серебром отливала шкура барса... Похоже, что к концу пути не только юноша, но и универсум пугающе трансформируется.

Но пожалуй, самая страшная, самая противоестественная трансформация описана в видении потерявшего сознание юноши, получившего в конце своего пути вместо желанной прохлады - убивающий жар адского пламени, щедрый дар Дьявола, толкнувшего его на этот путь.

"<...> ...Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки - и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед, холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, -
Так было сладко, любо мне...
<...>
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
<...>
Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал..."

Понятно, что холод и сладость - это холод и сладость смерти, достаточно обычный для текстов о смерти комплекс сем. Особенность видений в другом - в природе Золотой Рыбки. Золотая рыбка залог выполнения желаний. Вглядимся же в нее. Но сначала я приведу - не удивляйтесь, пожалуйста, - два описания змей:

1. "И гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней..."
2. ".....Змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной..."

Змея у Лермонтова покрыта желтой, золотой чешуей.

Но такой же золотой чешуей покрыта и спина рыбки! И здесь, не знаю как у Вас, читатель, но у меня мороз бежит по коже.

Потому что у беса из под любой одежды высовывается козлиное копыто!

Потому что наделенная явными чертами русалки Золотая Рыбка - тоже морок, трансформация змея, Дьявола, Адского Огня, осложненный и сплетенный с исконно водяной природой змея-Дракона в мифе (вспомним, что огонь и вода - противоположные на первый взгляд начала - сливаются в Хаосе Грозы).

Не прохлада смерти ждет Мцыри, но жар адских котлов. И жар этот еще раз выплескивается наружу:

"Прощай, отец...Дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в душе моей,
Но нынче пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой..."

Я полагаю, что это не сбудется.

"Но что мне в том? Пускай в раю,
В святом заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют..."

И это последний из самообманов несчастного послушника... послушника Тьмы.

И здесь, наконец, мы подходим к тому, с чего начали. К разрушению монастыря. В моей интерпретации разрушение монастыря связано с погребением в его стенах нераскаившегося героя нашей поэмы. Именно таким образом, повидимому, в Святую Обитель проникает Дух Разрушения. Вообще говоря, это естественно. Миром поэмы "Мцыри", как мы видели, безраздельно правят Морок и Хаос, а закон Хаоса абсолютен. Уничтожено должно быть все. Абсолютен и обман - и потому Мцыри - вольно или невольно - навлекает смерть на Обитель.

"Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упыюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
<...>
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну..."

Прощальный привет родного Мцыри мира и губит монастырь.

Я думаю, что именно эту цель и преследовал Демон; чтоб уничтожить монастырь, гибнет бедный юноша, даже имени которого мы не знаем, юноша, известный всем читателям Лермонтова как Мцыри - монастырский послушник - и в этом, я убежден, еще один обман.

Мне осталось сказать несколько слов о патриотизме Лермонтова.

Мы знаем, какое место в его творчестве занимала тема Родины.

Но мы знаем и какое место в его творчестве занимала тема Демона.

Лермонтов был патриотом и любил Россию. Но существовало нечто попросту сильнее его - я имею в виду дыхание Тьмы за плечами поэта. Я не оригинален здесь: о демонизме поэта говорил еще В.Соловьев. И там, где патриотизм сталкивался с натиском Ночи, он не выдерживал и уступал силе более мощной.

Вот почему Монастырь - символ русской мощи и духовности в универсуме поэмы - в конце концов оказался разрушен.

Именно здесь таится суть "странности" любви Лермонтова к Родине в моей модели.

Декабрь 1989 - январь 1990 гг.

Приложение

Контексты лексемы "сладость"

1. "Конечно, ты б хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен..." (речь идет об отце и матери - А.Б.)
2. "И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей..."
3. "Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный..."
4. "И снова видел я во сне
Грузинки облик молодой,
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь..."
5. "Как лед холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть,-
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне,
И солнце сквозь хрусталь волны
сияло сладостней луны..."
6. "И был он в сад перенесен.
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия..."

Сладость везде кроме контекста 5 ассоциируется с молодостью, цветением (контекст 6). В контексте же 5 неожиданно мы сема сия сопрягается со льдом, холодом, рядом смерти. Это противоречие снимается, если мы вспомним, что молодость для нашего героя неразрывно связана с хаосом, миром гор, то есть... со смертью.

Контекст 5 вообще заслуживает особого разговора. Солнце - источник того палящего зноя, что мучит его. Сладостное восприятие не луны - источника свежести, но деформированного холодом солнца, свидетельствует о фатальном искажении личности и мира героя поэмы.

Легко заметить, что везде сладостно Мцъри то, что недоступно ему. Бытие становится сладостным тогда, когда срок его истекает.

Контексты лексемы "объятье"

1. "Немного лет тому назад,
Там, где сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь..."
2. "В душе я клятву произнес:
Хотя б на миг, когда нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной."
3. "Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано !
Простерты в воздухе давно
Объятья каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года -
Им не сойтися никогда !

4. "Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад !"
5. "Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой."
6. "Я долго силился вздохнуть -
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объятая жадные раскрыв.."
7. "И мы, сплетясь как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле."

Контексты лексемы "свежесть"

1. "Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живей
При виде солнца и полей,
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж, и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой."
2. "Ты хочешь знать, что видел я
На воле ? Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежее толпой,
Как братья, в пляске круговой."
3. "Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов..."
4. "Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне..."
5. "Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко..."
6. "Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит."
7. "Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста -
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист."

В дополнение приведем 3 найденных контекста слова "сырость":

8. "Запели птички, и восток
Озолотился: ветерок
Сырые шевельнул листы;
<...>
Мне стало страшно..."
9. "Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли..."
10. ".....Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых..."

Контексты лексемы "золотой"

1. "В ущелье там бежал поток.
Он шумен был, но не глубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в подень уходил..."
2. "И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился. Ветерок
Сырые шевельнул листы;
<...>
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал..."
3. ".....Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее..."
4. ".....Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок..."
5. "И помню я одну из них.
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина..."
6. "И мнилось, звучная струя
Сливали тихий ропот свой
С словами рыбки золотой."
8. "Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист..."

В дополнение приведем найденные контексты слова "заря":

9. "Я видел горные хребты,
Причудливые как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились как алтари
Их выси в небе голубом..."
10. "Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжег
В тюрьме воспитанный цветок..."

Контексты лексемы "серебряный"

1. "Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сияли предо мной..."
2. "То был пустыни вечный гость -
Могучий барс...Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, - и на нем
Шерсть отливала серебром."
3. "Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов..."
4. "Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал..."

Контексты лексемы "змея"

1. "И, гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз, и прятался как змей."
2. "И мы, сплетясь как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей..."
3. ".....Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивалася кольцом."